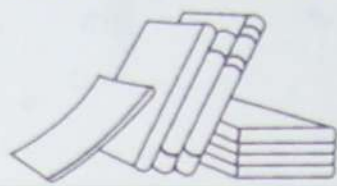
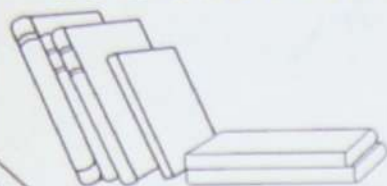

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 9. Связисты

Содержание

Это нашей истории строки	3
Сапоги сержанта Вари	5
Плакал от радости наш генерал	7
Парад Победы	8
Отступление	10
Балтийцы	14
Казачка из Полтавки	17
Солдат Отечества	20
Годен к строевой	23
Таня	25
Так бывало на фронте	27
Рассказы связиста	31
Солдат науки	34
Солдатская верность	36
Темная ночь	39
Содержание	40

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 9. Связисты

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Попов Лев Алексеевич
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
(Вспоминают ветераны г. Челябинска)
Серия 9. Связисты.

Челябинск 2012г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,

участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,

председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,

кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 9. Связисты / Л.А. Попов – Челябинск, 2012.- 40с.

На обложке фото из кн. «Мы сражались за Родину» М., 2012.С.305
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 30.11.2012 г. Формат 30х42/16.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.

Заказ № 150

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)

454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Слова В. Агатова Музыка Н. Богословского
(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Темная ночь, только пули свистят по степи,
только ветер гудит в проводах,
тускло звезды мерцают.
В темную ночь, ты, любимая, знаю, не спишь,
и у детской кровати тайком
ты слезу утираешь.

Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная темная степь
пролегла между нами.

Верю в тебя, в дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила...
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня,
что б со мной не случилось...

Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались
в степи.

Вот и сейчас надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кровати не спишь,
и поэтому, знаю, со мной ничего не случится.

поступающие команды, что способствовало успешному проведению операций, за что в октябре 1944 года он был удостоен медали "За отвагу». На дорогах войны он неоднократно попадал под ураганный огонь противника, видел, как горят танки и самоходки, как катаются по земле танкисты, пытаясь сбить пламя с загоревшейся одежды, как молоденькая медсестра пыталась вложить обратно вывалившиеся внутренности из живота раненого красноармейца.

«В январе 1945 года,- продолжал рассказ А.Л. Шаламов, - во время наступательных боев за Вислой при переходе на огневую позицию нас заметил противник и открыл огонь. Вражеский снаряд попал прямо в середину нашей группы. Нас разбросало в разные стороны. Невредимыми остались только я и мой напарник. Заместитель командира полка майор Панюшкин получил тяжелое ранение. Мы с напарником перенесли его в воронку, наскоро перевязали раны и короткими перебежками под постоянным обстрелом несли на руках майора от укрытия до укрытия, пока не увидели стоящую у дороги санитарную повозку. За спасение, таким образом, командира я был награжден орденом Славы 3-е степени».

За отличные действия при прорыве обороны противника на западном берегу Вислы 16 января 1945 года и за участие в боях при ликвидации группировки немецких войск юго-восточнее Берлина 2 мая 1945 года А.Л. Шаламову дважды объявлялась благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.В. Сталина.

После окончания войны А.Л.Шаламов приехал в Челябинск, окончил вечерний машиностроительный техникум, и работал на заводе СТАНКОМАШ, на различных инженерно-технических должностях. В 2002 году Александр Леонидович возглавил ветеранскую организацию Ленинского района, которая за короткий срок стала одной из лучших в городе Челябинске.

Это нашей истории строки

«Связь – это нерв армии».

«Средства связи, которыми располагали войска к началу Великой Отечественной войны, не были приспособлены к надежному обслуживанию системы управления в условиях маневренных боевых действий. К тому же этих средств не доставало. Устаревшие радиосредства не могли обеспечивать управление войсками, когда нарушалась проводная связь. Только в мае 1942 г. командующие фронтами и армиями получили в свое распоряжение личные радиостанции».

«Вопросы организации связи в армейской, а тем более во фронтовой операции не были разработаны даже теоретически. В результате в частях связи имелось очень мало специалистов, обладавших знаниями и опытом. Необходимыми для обеспечения связью оперативных объединений. Все эти недостатки пришлось устранять уже в ходе войны»

«Во второй и третий периоды войны значительно возросло количество частей и подразделений связи во фронтах, армиях и соединениях Войска оснащались новыми радиостанциями, получили более совершенную телеграфную и телефонную аппаратуру, увеличилось число радиосредств в соединениях всех родов войск. Радио стало важнейшим средством управления в операциях 1941-1945 гг. Численность войск связи за время войны выросла в 4 раза».

(История ВОВ. Т.6. М.,

«В войсках связи служило много женщин: радистки, телеграфистки, телефонистки, почтальоны и сортировщицы полевой почты... Они несли службу не только на узлах связи штабов оперативных объединений, но и в боевых порядках стрелковых полков и батальонов, в партизанских отрядах в тылу врага».

«Боевые подвиги связистов были высоко оценены Советским правительством. Во время Великой Отечественной войны 294 солдата, сержанта и офицера-связиста были удостоены звания Героя Советского Союза, 106 отважных воинов-связистов стали кавалерами ордена Славы всех трех степеней, сотни тысяч были награждены орденами и медалями».

(Пересыпкин И.Т. Связь важнейшее средство... М., 1976. С. 13, 44.)

он продолжал учебу в школе. В 1940 году поступил учиться в Усть-Катавское ремесленное училище №6.

«22 июня 1941 года, в воскресенье,- вспоминал он,- стояла прекрасная солнечная погода. Мы с друзьями сидели на берегу пруда и ловили рыбу. Вдруг прибегают запыхавшиеся наши товарищи из училища и сообщают, что Гитлер напал на СССР, и началась война. Бросив рыбалку, мы помчались на площадь к дворцу культуры, где возле репродуктора уже толпились люди и в напряженном молчании слушали речь В.М. Молотова. С этого момента жизнь в Усть-Катаве круто изменилась. Взрослые мужчины уходили на Фронт. Проводили и мы на битву с фашизмом двух своих преподавателей военного дела. Один из них возвратился через четыре месяца обратно, потеряв на Фронте ногу, на груди его блестела медаль "За боевые заслуги". Мы все благодарили его как героя. Он стал нашим кумиром.

На Усть-Катавский вагоностроительный завод эвакуировался Брянский механический завод имени Кирова. Вся промышленность города перестраивалась на военные рельсы. Наши учебные аудитории располагались на берегу реки Юрюзань, и мы имели возможность ежедневно наблюдать, с каким напряжением работал железнодорожный транспорт. Через каждые 5 минут на запад проходили эшелоны с войсками и военной техникой, а с востока шли эшелоны с разными грузами и металлоломом с полей сражений, предназначенный для переплавки на уральских заводах».

В июле 1942 года А.Л. Шаламов окончил училище, получил специальность слесаря по ремонту механического оборудования и был направлен в Каменск-Уральский на строительство Аллюминиевого завода. В феврале 1943 года его призвали в армию. В августе этого же года он успешно окончил 2-ые радиокурсы в Свердловске. Отлично освоил азбуку Морзе, на слух принимал более 100 знаков в минуту. Имея квалификацию радиста третьего класса, в звании ефрейтора А.Л. Шаламов прибыл под Ржев в 104-й отдельный полк связи, откуда его направили в качестве радиста-связиста в 57-й артиллерийский полк. В составе этого полка он принимал участие в наступательной операции "Багратион", в Форсировании рек: Проня, Реста, Днепр, Березина, в освобождении Минска и Гродно. Двигаясь в одной «связке» с командиром батареи, А.Л. Шаламов надежно обеспечивал связь, четко принимал и передавал,

лась автомашина, стоявшая у дома. Находившиеся в ее кузове снаряды начали рваться. Треск и грохот еще больше усилились. И в это время пошел густой пушистый снег. Среди белой снежной пелены горящий дом казался каким-то кошмарным сном. Но постепенно стрельба стала затихать. Я вернулся в траншею мокрым от пота и чумазым от копоти. Командир мой поступок оценил своеобразно. Вначале он отчитал меня за то, что без разрешения покинул радиостанцию, а затем за спасение офицеров штаба представил к награждению орденом Славы. В этот день осколок снаряда попал мне в голову, но шапка-ушанка смягчила удар, и я отделался лишь контузией.

Вскоре нас вывели из боя, очистили от вшей, выдали новое обмундирование, погрузили в эшелон и повезли на Дальний Восток. О предстоящей войне с Японией мы тогда только догадывались».

После окончания военной службы в 1950 году Г. А. Комиссаров вернулся в Челябинск. Окончил Челябинский политехнический институт, стал кандидатом технических наук, заведующим кафедрой, деканом. В 1999 году ушел на пенсию. Но с институтом связь не теряет, принимает участие в работе его ветеранского совета, поддерживает деловые отношения и с молодыми преподавателями, и со студентами. Такое общение идет на пользу общему делу, ведь не зря в народе говорят: «Молодость покрепче плечами, а старость – головою». Для науки это особенно важно.

СОЛДАТСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Шаламов Александр Леонидович родился в 1945 году. Своих отца и мать почти не помнит, они умерли в голодные годы. Вместе с братом Михаилом он воспитывался вначале в Еткульском детском доме, где заботливые воспитатели заменили ему и Михаилу родителей. Все было хорошо, но вскоре болезнь Александра разлучила братьев. После лечения в санатории Александр оказался в другом, в Птичанском, детском доме, там комиссия, определяя его возраст, допустила ошибку, написав в документах дату рождения 24 марта, вместо 18 декабря, сделав его на 9 месяцев старше. Но об этом А.Л. Шаламов узнал только много лет спустя. В новом детском доме под руководством опытных воспитателей и педагогов

САПОГИ СЕРЖАНТА ВАРИ

8 ноября 1943 года был учрежден знак солдатской доблести и отваги — орден Славы, которым в годы Великой Отечественной войны награждены 980 тысяч человек, в том числе немало женщин. Одна из них Варвара Митрофановна Пименова в настоящее время живет и работает в Челябинске. По профессии она учитель. В 1942 году по призыву комсомола добровольно ушла на фронт и после окончания краткосрочных курсов в 93 отдельном радиополку прибыла на передовую.

«24 декабря 1942 года в Ростовской области, — рассказывала Варвара Митрофановна о своем боевом крещении, — от станции Ягодная я в новеньком, с иголки обмундировании шагала в строю роты связи, рядом шли бойцы комендантского взвода, пытеля кухня, впереди двигались стрелковые подразделения. Дорога поднималась в гору, проходила через занесенные снегом поля совхоза «Красная заря». А снег казался нам, наверное, из-за длительного пребывания в окопах, ослепительно белым. Свежий воздух бодрил. За горой урчали танки. Моя подруга в старой шинели, в больших стоптанных сапогах, уже не раз бывавшая в боях, поучала меня: «Вот видишь, Валя, как хорошо, что мы наступаем. Настала пора освобождать наши города и села...»

И вдруг из-за бугра выезжает танкетка, а за ней показались танки, выкрашенные в белый цвет. Из люка вылезает человек с биноклем. Если бы я его увидела сейчас, непременно узнала бы. Мы продолжаем шагать. Все думали, что это наши танки. А человек с биноклем неожиданно резко взмахнул рукой, что-то крикнул по-немецки, и тут же танки открыли ураганный огонь по нашей колонне. Все вмиг перемешалось. Люди бросились бежать: одни в гору, другие под гору, Я побежала за теми — кто в гору. Догоняю одного красноармейца, а он, сраженный пулей, падает. Догоняю другого —

тоже падает. Какой-то боец остановился, поднял вверх руки и тут же исчез под гусеницами танка. Я, выбиваясь из сил, продолжаю бежать через снег и высокий засохший бурьян, сбросила шапку, варежки...

В нашем полку находились собаки, обученные бросаться с минами под танки. Но собак не успели зарядить, и без мин они бросались на вражеские машины до тех пор, пока все не погибли. Параллельно с нами наступал соседний полк. Он развернулся к бою и открыл огонь по немецким танкам из всех своих орудий, но его снаряды опять посыпались на нас...

Когда все стихло, остатки нашего полка собрались, построились и вновь зашагали по дороге, уже залитой кровью, кругом валялись куски человеческих тел, имевших вид обыкновенного мяса, из которого делают пельмени. На повороте лежал без обеих ног солдат, протягивал к строю руки и умолял: «Братцы, пристрелите меня...»

Весной 1943 года, когда мы стояли у Северного Донца, ко мне подошел знакомый лейтенант, вспоминая о том побоище, он признался: «Валя, а какая у тебя была хорошая шапка, я ее всю зиму носил». Оказывается, он подобрал ее, когда бежал сзади. Мне же вместо шапки выдали тогда связанный из серой шерсти подшлемник. Во время одного из привалов я свои насквозь промокшие сапоги поставила сушиться у передвижной кухни. Утром просыпаюсь — сапог нет, ночью пришло в полк пополнение и кто-то «приватизировал» мои сапоги; взамен старшина подобрал мне ботинки 45 размера и говорит: «Эти, Валя, самые маленькие, меньше у меня нет». В полку находилось много желающих позубоскалить, и мой внешний вид давал им для этого повод. «Пойдем, — говорили они, — посмотрим, как Валю по новой моде обмундировали». А я сидела в штабе маленькая, в подшлемнике, и прятала свои ноги в большущих ботинках под столом.

К обуви на фронте отношение было особенное. Я помню, убили старшего лейтенанта Ковалика. Через несколько минут смотрю, а он лежит уже без сапог, а еще через некоторое время — без брюк. Наверное, тот, кто их снимал, рассуждал про себя: «Ковалику теперь они не нужны, а мне еще послужат». Сколько я помню, хоронили бойцов без обуви...»

Войну сержант В. М. Пименова закончила в Берлине. Кроме ордена Славы III степени, на ее груди красовались: орден Красной

получил свою первую боевую награду. Вспоминая о заключительных боях в Восточной Пруссии, он рассказывал: «За всю зиму 1945 года я ни одного дня не провел в отапливаемом помещении. С 12 января по март месяц мы днем и ночью вели бесперывные бои. Спали урывками. Огонь врага был настолько плотным, что из траншеи, порой, головы не поднять. Лишь только когда наши штурмовики зависали над передним краем и начинали обрабатывать оборону противника, появлялась возможность покинуть окопы чтобы оправить свои естественные надобности, умыться снегом и — вновь в траншею. Несмотря на такие неудобства, мы в своем расположении всегда поддерживали должную чистоту и порядок. А вот когда пошли в наступление, захватили немецкие траншеи и блиндажи и стали спать в них, то сразу обовшивились.

9 апреля 11-я гвардейская армия завершила штурм Кенигсберга. А мы, пройдя по его окраинам, двигались в составе 5-й армии по Земландскому полуострову в сторону Пиллау, перерезали железную дорогу и остановились. В Восточной Пруссии не было деревень и сел, а города большие и малые строились с учетом того, что если будет война, то только с Россией, и поэтому под каждым домом имелся бетонный подвал с окнами-бойницами, направленными строго на восток. В тот памятный день в подвале одного из таких двухэтажных домов размещались различные службы артиллерийских и стрелковых частей. А мы — связисты — расположились в траншее рядом с этим домом. Здесь же, недалеко возле насыпи и железнодорожной будки, заняла позицию батарея 76-миллиметровых пушек. Утром появились немецкие танки — они шли к железнодорожному переезду. Артиллеристы ждали, стараясь подпустить их как можно ближе. Но, наверное, поторопились — первый залп они дали слишком рано. Обнаружив батарею, танки попятились назад, и из укрытий повели обстрел из пушек. Дом загорелся. А в его подвалах находилось много людей. Окна же в подвале были предусмотрительно заложены кирпичом, чтобы избежать попадания вовнутрь помещения осколков и пуль.

Мой напарник-радист, надев наушники, держал связь. Увидев, как изнутри в подвале стараются разобрать кирпичную кладку в окне, я бросился на помощь. Дым разъедал глаза, кругом рвались снаряды и казалось, что падают они совсем рядом. Подую руку, вытаскиваю одного офицера, затем другого. А они, выбравшись, вместо того чтобы помогать мне, бегут поскорее в укрытие. Загоре-

лить не могу. Вижу по губам, что врачи о чем-то говорят, а ничего не слышу. До конца 1943 года лечился в госпиталях городов Рязани и Кирова».

После выздоровления И.И. Ушаков вновь вернулся в строй, участвовал в прорыве блокады Ленинграда, освобождал Лугу, Кингисепп, Новгород, где оказался свидетелем забавного эпизода. «Вечером, уставшие, - продолжал он рассказ,- мы для ночлега заняли бывшую немецкую землянку. В ней стояли двухъярусные нары. Кто-то залез наверх, кто-то расположился внизу. Бодрствовать оставался дневальный. Утром сыграли подъем. И я вижу, как вместе с нашими бойцами с нары слезают два фрица. И словно оправдываясь, что они ночевали не там, где надо, бормотали «Гитлер капут! Гитлер капут!».

На территории Финляндии боев почти не было, так как финны своевременно вышли из войны. Советские солдаты размещались в домах финских хуторян. Спали на одноярусных нарах. На ночь, как положено, выставляли посты, открытый и скрытый. Однажды в доме, где ночевали два друга, один оренбургский казак, другой кабардинец, оба командиры отделений, среди ночи раздался шум и крик: «Тревога!». Оказывается, казаку приснился сон, будто бы финны схватили кабардинца и вытаскивают его через окно, а казак во сне с криком бросился на помощь своему другу. Этот маленький эпизод, вызывающий улыбку, показывает, что принцип «сам погибай, а товарища выручай» в Красной, а затем в Советской Армии был не пустым звуком.

За освобождение Выборга И.И. Ушаков был награжден медалью «За боевые заслуги». Пройдя через всю Европу, войну он завершил в Чехословакии. После войны И.И. Ушаков вернулся в Челябинск. В настоящее время часть своих реликвий он передал школьному музею боевой и трудовой славы, в котором всегда школьники и педагоги встречают И.И. Ушакова как самого желанного гостя.

СОЛДАТ НАУКИ

Заместитель председателя совета ветеранов Центрального района г. Челябинска Геннадий Александрович Комиссаров, один из самых молодых участников Великой Отечественной войны, родился в 1925 году, в неполные 18 лет принял боевое крещение и

Звезды, две медали «За отвагу», медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», позднее добавились орден Отечественной войны, медали. Возвратившись к мирной жизни, она долго работала учителем начальных классов челябинской школы № 1, а потом возглавила школьный музей, среди аккуратно подобранных экспонатов, которого выделяются документы и реликвии уходящей в далекую историю великой войны. На стенде — фотоснимки восьмидесяти и имена ста семи погибших на фронте бывших учеников первой школы. «Это не все, — пояснила Варвара Митрофановна и с сожалением добавила: — остальных, я, наверное, разыскать не успею...»

А на улице падал густой пушистый снег, первый в уходящем 1996 году, и почему-то казался он ослепительно белым...

ПЛАКАЛ ОТ РАДОСТИ НАШ ГЕНЕРАЛ

Ветеран Великой Отечественной войны Вячеслав Павлович Грушинский много лет работает в аппарате управления «Челяб-агропромстроя». О войне он вспоминает как о большой трагедии, постигшей советский народ: «После окончания школы мы свой выпускной бал проводили на лоне природы, на правом берегу Невы, под Ленинградом, в районе Усть-Ижоры. Это было чудное время, время белых ночей. Это было наше время. Но утром над горизонтом мы увидели какие-то странные вспышки. Позднее мы узнали, что так разрываются в воздухе зенитные снаряды.

24 июня 1941 года я уже стоял в военкомате. Меня определили в училище связи, а, поскольку я имел навыки радиста, через три месяца направили в часть, которая последним эшелонам отбывала из Ленинграда. Под Москвой нас высадили. Мне присвоили звание младшего лейтенанта и — на фронт. Я попал в Отдельный зенитный артиллерийский дивизион, как раз в то время, когда зенитчиков бросили на борьбу с немецкими танками, пытавшимися прорваться к Москве в районе Волоколамского шоссе. Страшная там была картина. Танки не пропустили, но больше половины дивизиона полегло. Трудно об этом вспоминать, ну как рассказывать о своем товарище, который в бою лишился и рук, и ног?

Война для меня началась неожиданно и закончилась тоже неожиданно. В Восточной Пруссии я тянул связь и провалился под

лед, после чего заболел малярией и попал в госпиталь. Находясь на лечении, однажды рано утром мы услышали за окном страшный грохот и трескотню. Это солдаты из соседней части открыли огонь из всех видов оружия, салютуя Победе. Радость была великая, даже тяжело раненные запели и заплясали. Многие плакали. Плакал от радости наш генерал.

Битва за Москву — самое знаменательное событие в моей жизни. Это была наша первая победа. После хаоса, вызванного внезапным нападением врага, мы сумели организовать и дать отпор. Я, безусый 18-летний комсомолец, с уважением смотрел на своих старших товарищей фронтовиков. Это были стойкие, мужественные, скромные люди. Например, мой старший политрук по возрасту был старше моего отца. Он учил меня многому, учил жить честно, по справедливости. Вот так я и живу».

ПАРАД ПОБЕДЫ

День 7 сентября 1945 года выдался в Берлине пасмурным. Густые серые облака не пропускали на землю лучи солнца, но несмотря на это настроение у солдат и офицеров было приподнятое, праздничное. Еще бы, ведь в этот день состоялся Парад Победы союзных войск по случаю капитуляции Японии на Дальнем Востоке, окончания Великой Отечественной войны. Подполковник запаса Иван Васильевич Гужвинский так рассказывал о своем участии в этом параде:

Первым шагал сводный полк советских войск, за ним французский, английский и американский. Я шагал в шестой шеренге. Слева и справа вдоль улицы выстроились толпы жителей Берлина. В это время они уже повылазили из подвалов и строили у себя новую жизнь. Мы прошагали под Бранденбургскими воротами. Чуть в стороне возвышался рейхстаг, побитый, обшарпанный, но завалы вокруг него были убраны. Гремел сводный оркестр победителей. Причем при прохождении нашего полка приоритет отдавался оркестру Красной Армии, когда шли американцы — американскому оркестру и так далее. Парад принимал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, рядом с ним стоял представитель Монтгомери и кто-то из американцев и французов. По итогам

вагоны, согнутые в восьмерки рельсы, дымящаяся земля, полуразрушенный деревянный дом и висящий над землей зажатый головой между бревен какой-то военный.

Вскоре нас доставили к селению Карпуновка, на окраине которого стояла церковь с позолоченными куполами. От церкви шла дорожка через селение к реке. А на противоположном берегу реки находились немцы. В подвале церкви расположился штаб нашего батальона. Церковь немцы долго обстреливали, но она устояла. Комбат вызвал к себе меня с моим напарником Петром и приказал: «При любых условиях связь со штабом полка должна быть надежно обеспечена». Площадь вокруг церкви постоянно обрабатывалась немцами минометным и артиллерийским огнем и простреливалась снайперами. Телефонный кабель часто обрывался. Но мы с Петром умудрялись при всех обстоятельствах держать связь. Взяв оборванный конец провода в руки, выждав удобный момент, броском преодолевали опасный участок, прятались в воронке и устраняли неисправность. В один из таких бросков, словно железный жук, прожужжала возле моего уха пуля. Ближе к полуночи, после некоторого затишья, неожиданно по вражескому берегу дали залп наши катюши. Берег озарился сплошным пламенем, там все горело и трещало, раздавался невероятный шум, и доносились истерические крики. По-видимому, немцы готовились в этом месте форсировать реку, и катюши нанесли по ним упреждающий удар. За обеспечение надежной связи в тех боях мы с Петром были награждены медалями «За отвагу».

12 июля нас перебросили к занятой немцами железнодорожной станции «Поныри». Там при наступлении наш батальон попал в окружение. Начались бои не на жизнь, а на смерть. Прервалась связь. Я вышел на линию для устранения повреждения один. Взял провод в руку и пошел. Обнаружил повреждение. Снарядом или миной был перебит весь жгут. А все проволочки в нем одного цвета. Нашел свою пару проводов. Соединил их, полулежа в кювете. Посмотрел назад и вижу, летят почти на бреющем полете три тройки немецких самолетов. Я даже отчетливо различал летчиков в кабинах, очки на их шлемофонах. И вдруг от первых трех самолетов отделились черные грузы — бомбы. Понял, что немцы бомбят наши зарытые в землю танки. В телефонную трубку услышал голос комбата: «Возвращайся в штаб!». И больше я ничего не помню. Пришел в себя в армейском санбате. Ни рукой, ни ногой пошеве-

зистам на фронте красноармейцы вначале относились без должного почтения, считали связь вспомогательной службой. Но очень скоро многие солдаты на деле убедились, что от работы связистов зависит своевременная передача информации командирам всех уровней об изменениях, происходивших на позициях противника и о замыслах врага. А в народе с давних пор бытовало мудрое изречение: «Предупрежден, значит, вооружен», позднее же связь в войсках стала именоваться «нервом армии». Вот частичкой такого нерва был на фронте телефонист И.И. Ушаков со своим переносным аппаратом и катушкой с 500-метровым проводом.

«Мы ехали через Москву,- продолжал он рассказ,- разгрузились на станции Бологое. Увидели результаты недавнего вражеского авианалета. Кругом валялись искореженные вагоны, в отдельных местах что-то горело. Но желдорпути уже были восстановлены. Мы быстро вставали на лыжи и уходили к лесу. Отсюда нам предстоял марш-бросок на 800 километров в район Старой Руссы. Двигались ночью. Днем отдыхали под елями. Ели там огромные с мохнатыми ветвями. Мы разгребали под ними снег до земли, рубили и укладывали еловые ветви, стелили на них шинели, ложились на правый бок, тесно прижавшись, друг к другу и накрывались тоже шинелями. Одеты мы были все в фуфайках, ватных брюках, на ногах – валенки. Бодрствовать оставались лишь дневальный и дежурный командир. После седьмого такого привала трое наших лыжников не поднялись. Мы передали их похоронной команде. Через следующие три перехода умер еще один лыжник. Наши командиры переполошились. Появился представитель из особого отдела. Всех терзал один вопрос: «Почему и кто виноват?». Умершего отправили на экспертизу. Вскрытие показало, что умер он от физических перегрузок и большого скопления никотина в легких. На 14-е сутки мы приблизились к городу Осташкову, где начинался Ромашевский плацдарм, на который выходили из окружения наши войска.

15-я Челябинская лыжная бригада была придана 2-й воздушно десантной дивизии. Начались длительные бои. А потом нас перебросили в район Орловско-Курской дуги. В пути шедший впереди нас эшелон с десантниками попал под бомбежку. Когда я увидел все, что осталось от этого эшелона, то подумал: «Не так страшно умереть в бою, как оказаться быть разорванным на куски во время бомбежки». До сих пор стоят у меня перед глазами разбросанные

прохождения войск первое место присудили нам, второе англичанам, третье американцам и четвертое французам.

После торжественного марша мы погрузились в автомашины и поехали в палаточный городок, где под большим навесом состоялся обед. Но обед был скромным, солдатским и не соответствовал возвышенным чувствам, которые испытывали мы в тот день».

До войны И. В. Гужвинский жил в Грузии. Его отец ушел на фронт в 1942 году и вскоре погиб под Керчью, успев написать сыну лишь два письма. В 1943 году призвали в армию и Ивана Васильевича. Получив в учебном подразделении специальность радиотелеграфиста,- в качестве радиста танка, а позднее командира отделения связи он участвовал в освобождении Харькова, Бреста, Варшавы и штурме Берлина. Ему есть о чем вспомнить. Он хороший рассказчик. Среди его воспоминаний о войне есть любопытные эпизоды. Вот один из них.

«При форсировании Одера в районе Кюстрена у переправы скопилось большое количество войск и техники. Когда мы подъехали, переправлялась зенитная артиллерия. Мы на своем танке хотели проскочить вне очереди, но нас остановили. Последовала команда: «Командира танка ко мне!» Получилось так, что вместо командира из люка вылез я. Смотрю, а передо мной командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в сером комбинезоне, в сапогах, из-за голенища торчит плетка, лишь фуражка на голове маршальская. Я растерялся и не знаю что говорить. А маршал огрел меня плеткой по ногам и без слов стало понятно, что очередность на переправе лучше не нарушать.

После взятия Берлина нашу часть отправили в Лейпциг и разместили в бывших казармах. Вскоре пришел приказ направить по три человека от каждой воинской части в Москву для участия в Параде Победы. Среди этих счастливиц оказался и я. В Москву мы ехали в специальном, поезде в пассажирских вагонах. В этом же поезде следовал взвод трофейных знамен, которые предполагалось бросить к подножью Мавзолея.

В Москве нас разместили в Сокольниках. Начались тренировки, муштра. Уставали здорово, но мы были молодые, крепкие, да еще и гвардейцы-жуковцы, как нас тогда называли. Первая репетиция проходила на стадионе, а последняя — в ночное время — на Красной площади. Перед парадом нам выдали новое обмундирова-

ние и вручили медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

Я должен был маршировать в сводном полку 1-го Белорусского фронта, но в последний момент меня срочно перевели в экипаж танка в качестве радиста. На этом танке 24 июня 1945 года я и проследовал по Красной площади в парадном строю.

Во время парада пошел дождь. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, стоявший на трибуне Мавзолея рядом с И. В. Сталиным, вспоминал: «Лил дождь, и я хотел поднести к фуражке руку, смахнуть с козырька воду, но, взглянув на И. В. Сталина, не посмел. Сталин терпеливо и неподвижно стоял под струйками дождя, стекавшими с его фуражки».

«На другой день, 25 июня, — продолжал И. В. Гужвинский, — в Кремле состоялся торжественный прием для участников Парада Победы. В большом, хорошо освещенном зале были накрыты длинные ряды столов. А на столах — что душе угодно... Играла музыка. Первый тост произнес И. В. Сталин. К сожалению, я попал в противоположный конец зала и рассмотреть верховного мне не удалось. «Не думайте, что я скажу что-нибудь необычное, — говорил И. В. Сталин, подняв бокал, — у меня самый простой тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звания незавидные. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы, маршалы и командующие фронтами и армиями, грубо говоря, ни черта не стоим... Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей».

Чувство небывалой гордости охватило тогда каждого из нас за принадлежность к армии победителей, за одержанную советским народом победу.

ОТСТУПЛЕНИЕ

22 июня 1941 года войска мотострелкового корпуса дислоцированного под Псковом, были подняты по тревоге и после кратких и суровых митингов, прошедших в подразделениях, выступили на запад, навстречу наступающему врагу. В Прибалтике, в местечке недалеко от Двинска, они встретились лоб в лоб с аналогичным мотострелковым соединением немцев. Несколько суток полыхали

написать, но подумал: а куда писать? Писать-то некому. Вот ведь в какое время мы живем».

В комнату вошла супруга Н. П. Квакина Юлия Тимофеевна и поставила на стол вкусно пахнувший, только что вынутый из духовки большой пирог с рыбой. Николай Пантелеевич открыл шкаф, достал бутылку с изображением И. В. Сталина на этикетке и предложил: «Давайте выпьем по стопке, как бывало на фронте».

РАССКАЗЫ СВЯЗИСТА

До войны комсомольский активист Иван Иванович Ушаков занимался в секциях ОСОАВИАХИМА и работал надсмотрщиком правительственной линии связи, пролежавшей через Челябинскую область. Это и послужило причиной того, что призвали его на военную службу не куда-нибудь, а в Челябинскую учебную роту связи. Откуда после окончания курсов он должен был отбыть на фронт. Но к этому времени вышло постановление ЦК ВЛКСМ о формировании в Челябинске лыжных батальонов и бригад. «Меня включили в 15-ю лыжную бригаду, - вспоминал И.И. Ушаков. – В районе Каштака мы выкопали длинную траншею, шириной 500 и глубиной 200 миллиметров, заполнили ее соломой, таким образом, получилась искусственная лыжня, по которой лыжи скользили не хуже, чем по снегу. Все лето мы отрабатывали здесь классический лыжный ход, совершали марш-броски на выносливость, учились на примере форсирования реки Миасс, преодолевать водные преграды. Шефами нашей бригады были рабочие железнодорожного депо и управление ЮУЖД. Они снабдили нас хорошими лыжами, финскими ножами и теплыми вязаными подшлемниками. Перед отправкой на фронт шефы устроили в нашу честь торжественный прием и концерт во дворце культуры электрометаллургов. А затем, построившись, с бодрой песней: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет...» мы прошагали до магазина «Детский мир», а оттуда на троллейбусе доехали до вокзала, погрузились в эшелоны и паровоз, набирая скорость, помчал нас на запад, где наши старшие товарищи уже преградили путь оккупантам».

Каждая лыжная бригада была укомплектована тремя минометными батальонами и спецчастями, включая взвод связи. К свя-

по дому залп. Я не почувствовал ни удара, ни боли, просто все куда-то провалилось. Очнулся, лежа на спине, в телеге, запряженной волами. Меня куда-то везли. Сплюнул — во рту кровь. Увидел над собою голубое небо с белыми облаками, понял, что жив, и почувствовал необычайное облегчение, как будто бы вновь на свет родился».

День Победы Н. П. Квакин встретил в госпитале Бреслау. После лечения продолжал службу в армии. В 1950 году демобилизовался. В 1952 году приехал вместе с женой в Челябинск. Устроился на работу в хлебный комбинат имени Григоровича, где проработал до выхода на пенсию.

К восьмидесяти годам здоровье его сильно пошатнулось. Но он по-прежнему думает не только о себе, его беспокоят события, происходящие в стране. «В 1945 году. — продолжал он, — после контузии возили меня на лечение в Вену. А Вена, как и Берлин, была разделена на четыре союзнические зоны. Как-то мы, фронтовики, зачуханные, в стоптанных сапогах, сидели у подъезда венской больницы. К нам подошли американцы, надменные, владеющие русским языком. Завязалась беседа. «А мы с вами воевать не будем, вы сами себе друг другу глотки перегрызете», — сказал один из союзников. Эти слова врезались в мою память на всю жизнь. Я вспоминаю их всегда, когда включаю теперь телевизор, вижу на экране чужих людей с чужими недобрыми мыслями, и мне кажется, что это тот самый американец дирижирует программами Российского центрального телевидения. Иначе как можно объяснить, почему из телевизионных программ исчезли познавательные, поучительные и просветительные передачи? А как объяснить, что в канун 60-летия Победы вместо добротных фильмов о войне нам показывают фильмы типа «Штрафбат», в которых правда грубо перемешана с кривдой, щедро вздобрена откровенным дилетантизмом, и эта галиматья выплеснута на телезрителя. Конечно, я выключаю телевизор, чтобы не видеть эти подделки. Но ведь их смотрит молодежь, от которой под предлогом поиска «правды о войне» скрыли эту правду. Сегодня наши школьники не знают, кто такой был Александр Матросов, Николай Гастелло, Юрий Смирнов, не знают других легендарных Героев Советского Союза, поэтому им трудно разобраться в той фальши, которая преподносится им с телеэкрана, и у многих из них складываются далеко не патриотические суждения об армии, об истории своего народа. Я обо всем этом хотел

бои. Днем облака пыли, поднимаемые разрывами снарядов и бомб, заслоняли солнце. Ночью вспышки разрывов, сполохи огня озаряли окрестность на многие километры. Чувствовалось, что враг, не ожидавший такого сопротивления, выдыхается. Но с правого и с левого флангов противник уходил вглубь советской территории. Под возрастающей угрозой окружения мотострелковый корпус был вынужден отступить. В этих боях участвовал челябинец Семен Филиппович Олейников, который, вспоминая о первых днях войны, рассказывал: «Сейчас современные авторы, пишущие о войне, почему-то более, чем часто, обращают внимание на то, что войска наши отступали плохо, неорганизованно, не так, как надо. А мне вот пришлось много раз выходить из окружения, долго отступать вначале на восток, потом на северо-восток, а затем еще и на запад. И всегда отходили мы с невероятными трудностями, но организовано, планомерно, правда, иногда приходилось уничтожать свою же технику или бросать ее, но личный состав сохраняли.

Войну я начал начальником радиостанции 6ПК и 5АК, установленной на автомобиле ГАЗ-3А, имевшем ходовую часть в виде металло-резиновых траков. Радиостанция всегда находилась при штабе. А я, как связист, знал обо всем, что делалось в корпусе. Приказ на отступление в период первой схватки с врагом для мотострелков оказался неожиданным. Отходили они мрачными, считая, что отступление равно поражению. Танкисты тянули за собой на буксире захваченный в бою броневик немецкого генерала, по виду похожий на наш, но колеса его были чуть больше прикрыты броней. В схватке его сильно помяли. Но экипаж на приказы открыть люки и выйти из машины не отвечал. А когда внутри броневика раздался хлопок pistolетного выстрела, решили подорвать дверцу броневика гранатой. Внутри оказались четыре трупа: генерал, его адъютант, стрелок и водитель.

...Восточнее Двинска, отступая, наша колонна двигалась по узкой дороге, проложенной между двумя болотами, при выходе из которых разведка обнаружила поджидающие нас замаскированные немецкие танки. На раздумывание времени не оставалось. Несколько машин имитировали прорыв через засаду. А в это время бойцы основного состава вывели из строя всю свою технику и, изменив направление, двинулись через болото. Шли долго, выбиваясь из сил, падали, поднимались и снова, от кочки к кочке, пробивались через зеленую жижу, преодолевая невероятную усталость.

Очень хотелось хотя бы на минуту остановиться, присесть, но вокруг — вода, иногда доходившая до плеч. А отставание от товарищей было смерти подобно, так как в одиночку из болота не выйти.

Грязные, измученные мы достигли все же твердой почвы. Поблизости оказалось село, где еще сохранялась советская власть.

Колхозники накормили нас, поддержали и дали продуктов на дальнейшую дорогу. Мы вышли из окружения со сравнительно малыми потерями.

...При отступлении от Старой Руссы я уже шел в колонне, так как моя радиостанция была разбита и брошена на поле боя. Как положено, впереди двигалась разведка, позади — группа прикрытия. Когда потребовалось взорвать за собой мост через реку, мне поручили помогать взрывникам. Мы уложили взрывчатку, замаскировали ее, протянули провод в укрытие и стали ждать. Колонна наша уже ушла далеко, когда послышался рокот подъезжающих с того берега машин. Как молоток, стучало у меня в груди сердце. От волнения стало трудно дышать. А вдруг заряд не сработает, противник прорвется и тогда нам от него уже не скрыться, — думал я. Немцы же, пренебрегая всеми правилами осторожности, даже не остановились у переправы. Первым на мост выехал их танк, за ним автомашина. И когда они достигли середины пролета, сержант Изотов крутанул ручку взрывной машинки, Мы увидели, как танк, вздрогнув, тяжело приподнялся, перевернулся набок и вместе с обломками моста рухнул в воду. За ним капотом вперед полетела автомашина.

Местность в тех местах равнинная, с редким кустарником. Поэтому при отходе нашу группу противник легко обнаружил и открыл огонь с противоположного берега. Вот здесь потерь избежать не удалось.

Четвертый раз мы выходили из окружения, можно сказать, почти культурно. Начали движение батальоном численностью примерно 500 бойцов, а к своим вышли отрядом около 1500 человек.

В послевоенном кинофильме «Живые и мертвые» очень хорошо показана обстановка отступления. Да, все точно так и происходило, только оружие у нас никогда не отбирали.

Новый 1943-й год встретили мы по-солдатски скромно. Разлили в алюминиевые кружки по сто граммов. Выпили за победу, контуры которой уже начали вырисовываться. Фронт стабилизировался. Прижали немцев под Сталинградом. Войска на нашем участ-

подумал я, немцы бьют по танку, надо держаться от него подальше. Танк в это время забуксовал, сел на днище, гусеницы его вращаются, а движения нет. Танкист вылез на броню, кричит: «Пехота, помоги!». Ну а мы что сделаем? Танк-то весит десятки тонн. Немцы в это время пристрелялись, и от прямого попадания танк загорелся. Над полем боя появились три вражеских самолета. Они летели низко-низко и казались почему-то черными. Первый самолет дал очередь из пулемета, но промазал — пули прошли рядом, никого не задев. Смотрю, второй самолет идет прямо на нас. Машинально отталкиваю комбата в сторону и сам падаю на землю. Пулеметная очередь прошла точно по тому месту, где только что стоял комбат. Потом за этот эпизод боя меня наградили медалью «За отвагу». Но тогда был еще один, третий по счету, самолет. «Ложись!» — теперь уже мне кричит комбат. Я прыгнул в кювет, увидел торчащую из-под насыпи водосточную трубу и, решив в ней спрятаться, полез в трубу головой вперед, забыв, что за спиной у меня рация. И застрял. Голова оказалась в трубе, а все остальное снаружи...»

Рассказывая об этом Николай Пантелеевич от души смеялся, говорил, что немецкий летчик, наверное, видел его в таком положении, но стрелять почему-то не стал.

«Через несколько дней, — продолжал он, — недалеко от Брестлау, мы захватили половину деревни, а другую ее половину продолжали удерживать немцы. На их территории стояла церковь, с ее колокольни, очевидно, они вели наблюдение. Я с рацией спешил к комбату. Увидел под мостом наших автоматчиков, все они по возрасту мне в отцы годились, кричат:

— Сынок, не ходи туда, пережди обстрел.

Из-за крайнего дома выбежал старшина с группой солдат и тоже кричит:

— Квакин, бросай рацию, бери автомат, пойдем с нами в деревню, вся сметана наша будет.

— Нет, — отвечаю, — комбат рацию ждет.

Забегаю в дом и вижу: за столом сидят наши командиры и пьют захваченное у немцев пиво из немецких кружек.

— Квакин, заходи, попробуй иноземного пивка, — предлагают они.

В это время к дому подъехала полевая кухня. К ней потянулись солдаты. Разместившись во дворе, мы втроем ели кашу из одного котелка. Немцы, наверное, увидели дымок от нашей кухни и дали

не успевал за ним. Тогда отец садил меня верхом на лошадь, и дело продвигалось быстрее.

Начало войны мне запомнилось напряженной тишиной, внезапно наступившей в нашей деревне. Кино, мероприятия в клубе были прекращены. Один за другим стали уходить на фронт односельчане. В июне 1943 года пришла и мне повестка явиться в райвоенкомат. После непродолжительного пребывания в запасном полку, где нас учили приемам штыкового боя, много внимания уделяли политзанятиям, а вот стрелять из-за недостатка патронов приходилось совсем мало. В ноябре 1943 года со вторым маршевым батальоном мы отбыли на Волховский фронт, там под Ленинградом приняли боевое крещение.

Места в тех краях болотистые, растительность чахлая. Снег, грязь, сырость и мороз — все одновременно. Однажды более полутора суток мы находились в болотах абсолютно голодными. Наконец появился старшина с полевой кухней, он и три его солдата были вдрызг пьяные. Здесь я впервые прочувствовал не на словах, а на деле всю суровость военного времени. Роту построили, и перед строем, на глазах у всех, командир вынул пистолет и расстрелял старшину. Пьяных солдат отправил под трибунал, а оттуда — в штрафную роту. Батальон же продолжал рейд по болотам. И вновь — свист пуль, крики «ура», стоны раненых и красные пятна крови на белом снегу.

Примерно через неделю в перерыве между боями в батальон прибыло начальство. Роты построили, скомандовали: «Кто умеет играть на гармошке, два шага вперед!». Я вышел из строя. В этот же день нас, всех гармонистов, отправили на курсы радистов. Изучив радиодело, я свободно принимал на слух морзянку, работал на ключе и вибраторе. Фронт же к моменту окончания нашей учебы продвинулся далеко на запад. Поэтому продолжать войну мне пришлось в Венгрии. Участвовать в боях за город Секешфехервар, который несколько раз переходил из рук в руки. В районе озера Балатон я получил первую контузию. Часов пятнадцать находился без памяти. Но врачи поставили меня на ноги и вернули в строй. А потом начались бои под городом Брно, запомнившиеся мне до мельчайших подробностей. Я в одной из атак старался бежать за танком, прикрываясь его броней. Пули чиркали слева и справа. И вдруг прямо у моих ног шлепнулась в грязь болванка, прошла несколько метров под землей и высунула свой нос наружу. Э нет,

ке тоже начали продвигаться вперед. В феврале, после продолжительного ночного боя, мы выбили противника из небольшого селения южнее Ленинграда. Штаб батальона перебазировался в это село. Я развернул радиостанцию на новом месте. А утром приходят ко мне ребята из второй роты и говорят:

— У нас свежих газет уйма. Если тебе нужно — приходи к нам вон в тот, — и показывают на чудом уцелевший двухэтажный домик возле крохотной церкви с голубыми куполами, — дадим сколько надо.

Когда я посетил их, то увидел сложенные в стопки газеты «Правда». Развернул одну из них. Но что это? Газета «Правда», а на ее страницах злейшая карикатура на советских маршалов и генералов, якобы убегающих от немецких войск. Посмотрел внимательно и увидел внизу приписку, поясняющую, что газета издается немецким командованием для населения освобожденных от коммунистов территорий. Я показал эту «Правду» начальнику штаба. Он посмотрел ее и говорит:

— Сходи, принеси еще несколько таких газет.

Я пошел, поднялся на второй этаж, открыл дверь и... Даже не услышал взрыва снаряда, ничего не почувствовав, оказался в небытие. Очнулся в подмосковном госпитале, слышу возле меня стоят врачи, что-то делают с моим глазом. Спрашивают:

— Правым глазом видишь свет?

— Нет.

— А левым?

— Немного вижу.

— Ну что ж, сынок, — говорят, — один глаз может быть тебе спасем.

Потом много раз перевозили меня из одного лечебного учреждения в другое, пока не оказался я в Челябинске, в госпитале, расположенном в здании бывшего педучилища, напротив старого цирка.

В 1944 году, после проведенного курса лечения, меня выписали с удручающей записью в личном деле: «Не годен к военной службе». Уезжать мне было некуда. Я устроился в жилконтору на нудную и скучную работу. Однажды, проходя по улице Труда, увидел на столбе приклеенное объявление о приеме студентов в Челябинский пединститут. А до войны я уже заканчивал педагогическое

училище и, о многом подумав, решил вернуться к первоначальной профессии...»

После окончания Челябинского педагогического института С. Ф. Олейников в течение 30 лет преподавал физику в школах города. 12 октября 1999 года он вновь пришел в свой институт. На этот раз, чтобы принять участие в предвыборной встрече с секретарем ЦК КПРФ Г. А. Зюгановым, послушать которого собралось много молодых патриотов и не менее — седовласых ветеранов. Семен Филиппович стоял среди них на ступенях крыльца вуза, поправляя свои длинные, по гвардейски закрученные усы. Один глаз его закрывала черная повязка. На лацканах пиджака сверкали орденские колодочки и почетный знак «50 лет в КПСС».

БАЛТИЙЦЫ

После торжественного приема в Пермском Г К ВЛКСМ девушки, добровольно изъявившие желание отправиться на фронт, построились и, сопровождаемые прибывшими из окруженного Ленинграда двумя флотскими офицерами, под духовой оркестр двинулись на железнодорожный вокзал. Прохожие останавливались, желали им возвратиться с победой, махали вслед руками. А духовой оркестр играл до тех пор, пока паровоз не подал прощальный гудок и последний вагон не скрылся за поворотом.

В пути, на промежуточных станциях, к поезду прицепляли новые вагоны, и вскоре сформировался отдельный девичий эшелон. Девушки толпились у распахнутых дверей теплушек. Встречный ветер трепал их волосы, а сердца переполняла решимость, непременно, во имя Родины совершить подвиг. В победный исход войны никто из них не сомневался, потому, что сам товарищ Сталин сказал, что враг будет разбит и победа будет за нами.

Одна из тех девушек Мария Александровна Порфильева, член Челябинского областного Совета ветеранов ВМФ, вспоминая о том времени, рассказывала:

«В начале мая 1942 года нас привезли к огромному, как море. Ладожскому озеру и пересадили на военный корабль, чтоб переправить на противоположный берег. Отразив несколько атак немецких самолетов, моряки благополучно привели наш корабль к причалу, на котором мы увидели множество людей, ожидавших своей

Неожиданно впереди я услышал крик какой-то женщины: «За Родину, за Сталина, вперед!». Мне показалось, что это был голос Тани. Пехота на призыв женщины поднялась. Лавина солдат смяла вражеские заставы и вышла из окружения. Я поспешил узнать, что это была за героическая женщина, которая подняла полк в атаку. И очень обрадовался, узнав, что героиней этой оказалась наша Таня. Хрупкая, нежная, она стояла с пистолетом в руках. От возбуждения у нее тряслись руки. Опасаясь, что Таня может нечаянно нажать на спусковой крючок, я осторожно взял у нее пистолет и спрашиваю:

— Как ты сюда попала?

— А я вышла замуж за майора Сивонена, — неожиданно поведала она такую невеселую для меня новость, дав понять, что это последняя наша встреча.

1944 год стал годом славных побед Красной Армии. Мы непрерывно продвигались вперед к заветной победе. Войну я закончил в Норвегии.

После войны, в пятидесятых годах, в Астраханском театре шел спектакль по роману М. Горького «Мать», главную роль в нем исполняла Таня. Я смотрел этот спектакль, затаив дыхание. Таня играла прекрасно. Зрители, стоя, аплодировали артистам. А когда закрылся занавес, я вдруг почувствовал, что между прошлым и настоящим образовалась непреодолимая стена. По ту сторону занавеса уже не было Тани-телефонистки, а была Татьяна Ивановна Нестарикова — выдающаяся актриса театра. Я так тогда и не осмелился встретиться с ней. А сейчас ее уже нет», — тяжело вздохнул Дмитрий Никитович и в глазах его промелькнула слеза.

ТАК БЫВАЛО НА ФРОНТЕ

Квакин Николай Пантелеевич — потомственный землепашец, родился 25 октября 1925 года в Кировской области. Окончил четыре класса сельской школы. Научился плести лапти, вязать варежки, плотничать. А летом целыми днями находился в поле. «Тогда ведь не было сеялок, — вспоминал он, — мой отец шел по пашне и рукою из лукошка разбрасывал семена пшеницы с таким мастерством, что зерно после его броски ложилось равномерно по всей площади. Следом за отцом я вел под узды лошадь с бороною и

становилось тоскливо на душе, особенно, когда дела на фронте шли неважно, а из дома долго не приходили письма. Единственной радостью в подразделении были тогда встречи с Таней Нестариковой. Она прибыла к нам сразу после окончания Архангельского театрального училища и служила телефонисткой. Красивая, стройная девушка Таня исправно выполняла обязанности связиста, участвовала в солдатской художественной самодеятельности, хорошо пела и вскоре стала всеобщей любимицей. Многие из нас тайно мечтали дожить до конца войны, сделать Тане предложение и увезти ее к себе на родину. Нередко в минуты затишья между боями к нам в расположение приходили с передовой солдаты и просили: «Таня, спой что-нибудь». Таня брала гитару и задушевный голос ее звучал под голубым небом среди раскидистых сосен и карельских березок. Слушая ее, забывались все фронтовые тяготы и лишения, и думалось какая прекрасная эта штука жизнь.

В канун нового 1944 года мы решили приготовить для Тани подарок. Я достал кусок хромовой кожи, а полковой сапожник Салтыков сшил из нее для Тани бальные туфельки. В новогоднюю ночь приходит к нам в старую кузницу, переоборудованную в помещение для связистов, Таня веселая и сияющая. При ее появлении в помещении, освещенном тусклым светом коптилок, стало светлее и торжественнее. В углу стояла елка, украшенная самодельными игрушками и тремя разноцветными лампочками, подключенными к аккумулятору. На столе — скромное солдатское угощение. Выбрав подходящий момент, мы вручили Тане подарок. Она надела туфли, да как вдруг расплачется: «За что же это вы, ребята, преподнесли мне такой удивительный подарок?!». Слезы радости быстро сменились хорошим настроением, и новый год мы встретили на славу.

Через некоторое время Таню перевели в другую часть. И я долго не мог узнать, как ей служится на новом месте. Летом 1944 года войска Карельского фронта начали всеобщее наступление. 176-я стрелковая дивизия, в которую входил наш полк, перешла границу с Финляндией, но, не получив поддержки от других соединений, была окружена противником. Поступил приказ выходить из окружения на свою территорию. Обрато мы пробивались с боями. Попав под обстрел противника, пехота залегла. Создалось критическое положение.

очереди для переправы на «большую землю». Ко мне подошла женщина с тремя детьми, схватила за сумку, уставилась прямо в глаза, и умоляюще попросила что-нибудь поесть, говорит, что они уже четыре дня ничего не ели. Я отдала ей все, что имела, весь свой паек.

Погода стояла пасмурная. Осажденный Ленинград показался нам мрачным. Над городом повсюду висели аэростаты. На улицах преобладали военные. В Балтийском флотском экипаже нам организовали баню, и всех постригли, как мальчиков, под польку. Многие девушки плакали, расставаясь со своими косичками. Потом в столовой, обслуживаемой матросами, хорошо накормили. Здесь впервые мы начали знакомиться с морской терминологией: «камбуз», «кубрик». Я была очень удивлена, когда узнала, что обыкновенная табуретка матросами именуется банкой. После обеда, построившись, пошли через город в Рузовские казармы. Ленинградцы тогда голодали, поели не только всех кошек и собак, но крыс и мышей. В городе наблюдались случаи трупоедства и другие ужасные вещи. Когда мы проходили мимо длинной очереди голодных, изможденных людей, ожидавших открытия хлебного магазина, один из мужчин обратил внимание на Ирину, невысокую, полненькую девушку, шагавшую в последнем ряду нашей колонны, чмокнул языком и произнес: «Эх, вот эту девушку зажарить бы и съесть». Эта шутка вызвала протест в очереди, все закричали на мужчину. А наш командир приказал Ирине занять место внутри строя.

На другой день нас разделили на три группы: телефонисток, телеграфисток и радисток. Телефонисток сразу же отправили в Кронштадт, а нас обратно перебросили в район Новой Ладogi и разместили в школе деревушки Бабино, покинутой жителями. Здесь мы учились по 12 часов в день, а после учебы шли в каменоломню грузить на платформы камни, предназначавшиеся для устройства взлетной полосы близлежащего, среди болот, аэродрома. Километров в 12-и находился железнодорожный мост через Волхов, над ним все время летали самолеты, его бомбили, но мост удалось отстоять, и после прорыва блокады по нему проследовал первый поезд к городу Ленина.

В ноябре 1942 года, после окончания учебы, нас вновь по «Дороге жизни» переправили в Ленинград в район «гражданки», где возле конечной трамвайной остановки, за Лесотехнической

академией, располагался 12-й авиаполк Балтийского флота. Он был окружен зенитками. С него постоянно поднимались пикирующие бомбардировщики «Пе-2», для нанесения бомбовых ударов по наземным и морским целям. Истребители их сопровождали, а также днем и ночью летали прикрывать Дорогу жизни. Летчики делали по четыре и более вылетов в сутки. Полеты их сильно изматывали. Бывало, командира эскадрильи, Кудымова, после возвращения на базу, техники буквально вытаскивали из кабины.

Мы — девушки заменили в полку связистов мужчин, которых направили в морскую пехоту. Обмундировали нас вначале пармейски, а потом выдали каждой морскую форменку, гюйс, юбку черного цвета, матросский ремень с пряжкой, голубой берет со звездочкой, а обувь оставалась та же, кирзовые сапоги. Я со своими подружками дежурила на передвижной радиостанции. В нашу обязанность входило держать радиосвязь с самолетами, находившимися в воздухе, записывать разговоры летчиков и команды командиров в специальный журнал, принимать разведданные и исполнять другие поручения. По роду своей службы мы знали все, что делалось в полку. До самой земли сопровождали, например, самолет летчика И. А. Иржака, повторившего подвиг Гастелло при налете на железнодорожную станцию Волосово. Но самый трогательный, оставшийся в моей памяти эпизод, был связан с летчиком Толей Журиным. Его самолет в ноябре 1943 года подожгли зенитки над вражеской территорией. Раненый в руку и ногу, с обожженным лицом, он неделю пробирался к своим. Его замерзающим обнаружили немцы и отправили в лагерь. А после освобождения Таллина он пришел к нам на станцию и говорит: «Маша, ты меня не узнаешь?» Я узнала его только по голосу, лицо Толи было обезображено шрамами. Он рассказал, что очень хочет вновь летать и будет просить командира зачислить его обратно в полк, а еще он мечтал поехать в Москву выправлять свое лицо.

Но до полетов его не допустили, лишив тем самым возможности бороться за полноценную жизнь. В Ленинграде у него жила любимая девушка. Он не сообщал ей о себе, боялся испугать ее своим видом. Но однажды девушка случайно встретила его на улице. Окликнула. Толя вначале бросился к ней, но опомнившись, остановился, повернулся кругом и побежал прочь. У этой истории оказался счастливый конец, девушка нашла его. Они поженились. Вырастили двух сыновей, ставших впоследствии генералами.

— Зачем ты их сюда привел? Отведи в сторону и расстреляй!

Пленные смотрят на меня вопросительно, обоим лет по сорок, мне 19 лет. И вот тут я струхнул. Одно дело сражаться с врагом в бою и совсем другое дело убивать безоружных. Но приказ — есть приказ. И я повел пленных в сторону. Вижу, саперы что-то строят, их капитан спрашивает меня:

— Куда ты повел фрицев?

— Выполняю приказ командира.

— Дай нам одного, здесь нужна рабочая сила.

А по уставу, как известно, военнослужащий обязан выполнять последнее приказание старшего по званию. С облегчением вздохнув, я сдал саперам одного пленного и думаю: а стоит ли мне спешить со вторым, ведь расстрелять пленного я всегда успею. Отведу-ка его в свое расположение, что на это скажет командир взвода? Во взводе связи три дня мы использовали пленного в качестве транспортного рабочего. Нагружали его катушками, аппаратурой и он исправно носил эти грузы. А потом передали пленного в тыл. Так за всю войну я впервые не выполнил приказ командира. Да и командир об этом почему-то не вспоминал».

В 1945 году В. В. Шальтис возвратился в Челябинск храбрым сержантом, возмужавшим за годы войны. Рост его стал 170 сантиметров, вес 67 килограммов. Поступил на свой родной завод, где проработал 52 года. Ныне Виктор Владимирович на пенсии.

ТАНЯ

17 мая 2004 года после встречи с учащимися в музее школы № 115 Дмитрий Никитович Силонов в парадном костюме с четырьмя боевыми орденами и тремя медалями «За боевые заслуги», опираясь на палочку, шагал по школьному двору и рассказывал: «8 ноября мне будет уже 86 лет. До выхода на пенсию я 20 лет работал в Челябинском аэропорту, теперь живу здесь недалеко. Раньше до дома за три минуты доходил, теперь — за пять минут. Воевать мне пришлось на Карельском фронте и командовать взводом связистов. Зимние ночи в тех краях длинные и глухие, а летом наоборот полярное солнце светит почти целые сутки и куда не кинь взгляд всюду необъятные просторы, однообразные равнины, высокие сопки и зеленые лесные массивы. Часто от такого однообразия

«В начале июля 1943 года, перед началом Курской битвы, — вспоминал В. В. Шальтис, — мы стояли во втором эшелоне километров в десяти от города Малоархангельска. Готовились к предстоящим боям. Спали с оружием в руках. Днем наблюдали за воздушными боями. Бегали ловить немецких летчиков, выбросившихся из сбитых самолетов. Однажды во время затишья я увидел как вдоль линии обороны низко, почти у самой земли, летит наш самолет «илушка», а за ним гонится «мессершмитт». Чтобы поразить «илушку», ему нужно было тоже снизиться на такую же высоту, «мессершмитт» не решался этого сделать и ждал удобного момента. А на передней бровке нашей траншеи был вкопан столб, на нем закреплено вращающееся колесо, а на колесе стоял пулемет Дегтярева. Все происходило очень быстро. Не раздумывая, я бросился к пулемету и дал из него очередь вдоль фюзеляжа «мессершмитта». Немецкий летчик посмотрел на меня, развернул свой самолет, да как врежет из крупнокалиберного пулемета. Я же своевременно успел спрыгнуть в окоп и остался невредим. А немец, затратив на этот маневр время, потерял из виду «илушку». «Илушка» благополучно скрылся за деревьями. Переполненный гордостью от того, что мне удалось спасти советский самолет и летчика, я вернулся к своей аппаратуре.

А вот еще один случай. В 1944 году во время летнего наступления в Белоруссии у нас закончился телефонный кабель. Чтобы добыть его, я пошел в штаб. Дорога пролегла через лесной массив. Идя по тропинке, я вдруг заметил, что в траве кто-то шевелится.

— Стой! — крикнул я и вскинул свой ППШ.

В ответ раздалась автоматная очередь. Я присел на траву и стал думать, как теперь выходить из создавшегося положения. Стрелявшего не видно, он тоже спрятался. Если я встану, он меня подстрелит. Взял валявшуюся рядом палку и бросил ее в кусты. На шум падающей палки немец поднялся и открыл огонь по кустам. Вот тут я его и срезал автоматной очередью. Он упал. Но убит он или жив, у меня не было ясности, поэтому побежал к нему с криком: «Ауфштейн, хэндэ хох!» (Встать, руки вверх!). Смотрю, а рядом из травы поднимаются с поднятыми руками еще два гитлеровца. «Шнель! Шнель! (Быстро! Быстро!)», — скомандовал я им, показав дорогу к наблюдательному пункту своей части. Думал, что приведу в часть пленных, меня за них похвалят, может быть и медаль дадут. А командир полка выслушал мой доклад и говорит:

До перестроечной разрухи, мы — ветераны-балтийцы, периодически, встречались в Ленинграде. На одну из таких встреч приходил Журин. Все бывшие летчики блистали орденами, среди них были и Герои Советского Союза. А толя Журин без наград, с покрытым шрамами лицом стоял в стороне. Я успела поговорить с ним, узнала, что он на пенсии и работает только на садовом участке. А потом гляжу – его уже нет. Вероятно, ему тяжело было общаться с прошлым в то время, когда все его однополчане об этом же прошлом вспоминали с пафосом и благоговением. И он ушел с этой встречи».

После войны Мария Александровна Порфильева еще долго несла службу в качестве вольнонаемного связиста в различных воинских частях Балтийского флота. Затем работала на Челябинской обувной фабрике. Жила с дочерью, помогала воспитывать внучку, рассказывала ей о своей промчавшейся, как буря жизни, большой, героической, красивой и незабываемой.

КАЗАЧКА ИЗ ПОЛТАВКИ

Мария Федоровна Лобырина (Богданова) — казачка из села Полтавского, бывшей Великопетровской станицы, в 20 лет вступила в члены ВКП(б) и вместе со своими товарищами с воодушевлением участвовала в утверждении на селе коллективистских отношений, товарищества, взаимопомощи, уважения к труду и к человеку труда.

1941 год застал ее в Тбилиси, где она училась в топографическом училище, активно участвовала в общественной жизни, имела все четыре оборонных значка и входила в сборную Грузии по велосипедному спорту⁷. 26 июня она добровольцем ушла на фронт. В учебном подразделении получила специальность радиотелеграфиста и 27 декабря 1941 года в составе батальона морской пехоты участвовала в десанте на Крымский полуостров в районе Керчи.

«Наш катер шел во втором эшелоне, — рассказывала она, — бойцы, высадившиеся впереди нас, уже отвоевали плацдарм километра полтора в глубину. На берегу полыхал бой, вспышки разрывов множества снарядов и мин сливались в единое зарево, пороховой дым расстилался по долине. Мы пытались спрятаться за

надстройками корабля от пронзительного ветра и от разбивавшихся о борт катера холодных брызг волн, но это нам не удавалось. При мне имела рация, весившая килограммов одиннадцать, а мой напарник держал на своих плечах ранец с питанием для нее весом в двадцать килограммов.

Метров в пятидесяти от берега катер остановился, так как далее начиналась мель. Поступила команда к высадке. Люди прыгали в холодную воду и стремились как можно быстрее достичь берега. Кому-то вода доходила до пояса, а кому-то до шеи.

На берегу мы могли позволить себе только вылить воду из сапог и больше ничего. В указанном месте, укрываясь от ветра за большим валуном, развернули радиостанцию. Установили связь. Я достала «Режим работы радиста», написанный тушью на шелковом материале и, следуя указанному в нем порядку, непрерывно принимала и передавала информацию, постепенно замерзая и теряя силы от переохлаждения. В тот миг мне казалось, что жизнь осталась только в мозгу и в руке, лежащей на радиотелеграфном ключе. Когда высадился третий эшелон, нам приказали связь прекратить. Мы попытались встать, но не смогли, так как наши шинели обледенели. Кругом стоял грохот, треск, смрад. И вдруг я открыла глаза и вижу, как ярко сияет солнце, тепло, кругом чистота и порядок. Оказываются санинструкторы третьего эшелона обнаружили нас замерзающими и доставили в медсанбат. Одежда наша, уже высохшая, висела рядом, а вот голенища сапог были разрезаны сверху донизу.

Поблагодарив врачей и попрощавшись с медперсоналом, мы в морской форме, но в больничных тапочках, пошли искать свою воинскую часть. А потом со своим батальоном отступали до самого Сухуми.

В столице солнечной Абхазии среди напряженных буден нельзя было не заметить некоторую беспечность. Среди населения можно было услышать такое утверждение, что немцы никогда не будут бомбить Грузию, потому что у Гитлера жена грузинка. Позднее мы узнали, что точно такое же мнение бытовало в Армении и Азербайджане, только в первом случае говорили о жене Гитлера армянке, а во втором случае — азербайджанке.

В августе 1942 года немецкие самолеты впервые нанесли бомбовый удар по Сухуми. Погибло много людей, в том числе беженцев, располагавшихся на судах, стоявших в порту. После авианалета выяснилось, что для отражения атак немецких самолетов в

документы, что с радостью согласился. Через некоторое время меня послали учиться в Горьковскую школу КГБ-МВД. А после окончания школы направили служить в Калининград. Отслужив в войсках МВД 25 лет, много повидав на своем веку, я вернулся в Челябинск с твердым убеждением, что в разных уголках земного шара есть удивительно красивые места, но родина у человека одна. «Человек без родины, что соловей без песни». И по-настоящему счастлив лишь тот, кто имеет свое Отечество».

Закончив этими словами свой рассказ, Мавлет Гельманов встал из-за стола и, пожимая на прощанье руку, сказал: «Берегите наше отечество».

ГОДЕН К СТРОЕВОЙ

Виктор Владимирович Шальтис родился в Челябинске. Здесь учился, работал. В 1941 году, когда началась война, один за другим стали уходить на фронт его сверстники 1923 года рождения. Пришла и ему повестка явиться в военкомат. Призывная комиссия долго совещалась, что делать с новобранцем, рост у него 1 метр 50 сантиметров, а вес всего 40 килограммов.

— Где ты работаешь? — спросил В. В. Шальтиса председатель комиссии командир с двумя шпалами на петлицах.

— На заводе Станкомаш фрезеровщиком.

— Ну что ж, возвращайся к себе на завод и поработай там еще с годик, — огласил решение комиссии командир.

Через год, в 1942 году, показатели призывника изменились, рост его стал 1 метр 53 сантиметра, а вес 50 килограммов. «Годен к строевой», — сделала заключение призывная комиссия и направила В. В. Шальтиса в войска связи, а командир с двумя шпалами в петлицах многозначительно пояснил ему, что связь — это нерв армии, от связистов во многом зависит успех или неуспех любого сражения. Вскоре В. В. Шальтис на деле убедился, что это действительно так. Но на фронте, кроме выполнения основных обязанностей связиста, ему приходилось отбивать атаки противника, вместе с пехотой ходить в наступление, участвовать в ночном штурме высот, под вражеским огнем форсировать реки, то есть выполнять черновую работу солдата.

Плацдарм же, занятый нашими войсками, был небольшим. Там дальше, за мысом, уже находились немцы. Если они обнаружат лодку — расстреляют ее и утопят раненых. Сознывая эту опасность, я изо всех сил толкал лодку в борт к спасительному берегу. Солдаты на берегу, наблюдавшие за нами, пришли на помощь. Вместе мы вытащили лодку и раненых. Ко мне подошел какой-то замполит, спросил и записал в планшет мою фамилию, сказав, что представит меня к награде, чуть ли не к званию Героя. Вскоре перед строем мне вручили за спасение раненых орден Славы третьей степени.

А орден Славы второй степени я получил во время форсирования Одера. Тогда от массированного огня гитлеровцев казалось, что весь воздух насыщен металлом. Мы погрузили свое оборудование в полуторку, я поднял руки, взялся за край борта и только хотел, подтянувшись, запрыгнуть в кузов, как вдруг почувствовал сильный удар и боль в руке.

— Э, Миша, да у тебя из руки осколок торчит, пойдем в санчасть, — услышал я голос комвзвода.

В санчасти два медика-женщины попытались вытащить осколок, но у них не хватало сил, так как он вонзился в кость и застрял там. Тогда комвзвода стал им помогать, он крепко держал мою руку, а женщины с помощью специальных клещей, раскачивая осколок, все-таки удалили его. С таким ранением по уставу мне полагалось выходить из боя в тыл на лечение. Но обслуживать аппаратуру связи было некому. Комвзвода спросил:

— Сможешь?

— Смогу, — ответил я. И еще сутки с одной рукой держал связь.

В 1946 году я вернулся домой в Челябинск. Молодой был, захотелось иметь хороший костюм, родственники дали денег на материал. Пошел в универмаг, расположенный на улице Кирова, и не заметил, как при оплате покупки у меня кто-то из кармана вытащил документы. Хватился — нет паспорта, а вместе с ним пропали пять благодарностей от товарища Сталина. О том, что творилось у меня тогда на душе, лучше не рассказывать.

При оформлении нового паспорта в Управлении внутренних дел уже немолодой майор посмотрел мою орденскую книжку и говорит:

— О, да ты герой, у тебя столько орденов, идем к нам работать в милицию. Я настолько был зол на карманника, утащившего мои

городе не было ни одной зенитной установки, кроме находившихся на кораблях флота, а среди местного населения стали проявляться элементы паники, появились желающие за большие деньги выехать в горы. Но вскоре и в горах оказались немцы. Они через Главный Кавказский хребет, не без помощи проводников-предателей, проникли по тропам, неизвестным даже туристам, к перевалам Псху и Клухорский, где встретили их наши батальоны.

Я на перевале держала связь, развернув радиостанцию под большим, раскидистым деревом, слева, почти сразу, начиналось глубокое ущелье, справа, между деревьев, виднелись серо-голубые скалы. Во время приема очередной цифrogramмы совсем рядом разорвался артиллерийский снаряд, потом другой, и вдруг какая-то неведомая сила отбросила меня от радиостанции. В ушах со звоном будто что-то лопнуло. Голова закружилась. На лице появилась кровь, и адская боль пронизывала ногу. Теряя сознание, я увидела подползающего ко мне санинструктора, а в траве валяющиеся обломки радиостанции.

В этот день было много раненых. Нас — девушек поместили в отдельную палату. Кругом слышны были стоны и крики. Лишь позднее, когда пришел главврач, мы осмотрелись, стали знакомиться друг с другом, узнавали, что у кого-то нет руки, у кого-то — ноги. Во время пребывания в госпитале нам рассказывали, как товарищ Сталин за плохую подготовку Сухуми к обороне снял с работы ряд высокопоставленных республиканских чиновников, а С. М. Буденному объявил выговор за то, что он вместо общего руководства войсками на перевале сам взял в руки автомат.

5 января 1943 года я на двух костылях выписалась из госпиталя. Только одно заветное желание владело тогда мной: поскорее вернуться домой к маме и к сестренке. С таким настроением прибыла в Тбилиси, где размещалась морская комендатура, доложила дежурному офицеру, что еду на Урал, мне выдали соответствующие документы и посоветовали взять в дорогу побольше чаю и табаку, так как они очень могут пригодиться в пути. До Баку добиралась по железной дороге, потом пароходом — через Каспий и вновь по железной дороге через Ашхабад и Оренбург. Поезд двигался два-три часа в сутки, остальное время простаивал на полустанках, пропуская вперед военные грузы. Часто к вагону подходили туркменки и спрашивали: «Твоя чай есть?», — и предлагали за него хлеб, масло, сушеную дыню.

23 февраля 1943 года, то есть через полтора месяца нахождения в пути, я приехала на родную станцию Карталы. Земляки в этот день отмечали 25-ю годовщину Красной Армии, они пригласили меня в клуб, усадили в президиум, окружили вниманием. Мне же, порой, казалось, что это сон и не верилось, что я дома.

На этом война для казачки из Полтавки не закончилась. В июне 1943 года, после выздоровления, ее, как специалиста радиосвязи, вновь призвали в армию. На этот раз в зенитно-артиллерийский полк и вскоре утвердили на должность парторга прожекторного батальона, в котором было 930 человек, из них 113 мужчин, а остальные девушки, призванные из Челябинской области.

После окончания войны Мария Федоровна работала в Челябинском обкоме партии. Перед выходом на пенсию занималась педагогической деятельностью. А с 1974 года возглавила «Клуб боевых подруг», объединявшем около 750 женщин-участниц Великой Отечественной войны. Более половины из них 9 Мая 1999 года прошли в парадном строю ветеранов фронтовиков по Театральной площади Челябинска. Собравшиеся на площади люди рукоплескали им и искренне радовались тому, что живут еще среди нас Боевые подруги.

СОЛДАТ ОТЕЧЕСТВА

Орден Славы 1, 2 и 3-й степени был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 ноября 1943 года для награждения лиц рядового и сержантского состава Красной Армии, проявивших в боях за Советскую Родину личную храбрость, мужество и бесстрашие. Среди кавалеров двух степеней этого ордена значится челябинец, старшина в отставке Гельманов Мавлет, родившийся в 1920 году в Кунашакском районе. В 1939 году его призвали в Красную Армию. На фронте он находился с первого дня войны с германским фашизмом. Победу встретил в Праге. О том, каким нелегким был путь к этой победе, можно судить по его рассказу.

«Летом 1944 года мы получили задание переправиться на плацдарм через реку Висла в районе Кракова и установить телефонную связь с командным пунктом. Переправлялись через речку ночью, когда стихла стрельба. В лодке нас было трое. Двое работали веслами, а я распускал телефонный кабель. Ночью вода

казалась черной, что-то непредсказуемое таилось в ее глубинах. Погода стояла пасмурная. На небесах луна пыталась пробиться через серые тяжелые облака, но ей это не удавалось. Чуть в стороне, где находился разрушенный мост, то и дело взлетали осветительные ракеты. Я вздрогнул, когда на середине реки, на моей катушке закончился кабель, забыв, что он бесконечный. Быстро срастил кабель. Солдаты вновь налегли на весла. Враг, запуская ракеты, все ближе перемещал их к нашей переправе. Еще бы чуть-чуть, — думал я, — и нас прикроет от глаз неприятеля бровка высокого берега. Благодаря усилиям гребцов, мы благополучно вошли в береговую тень. Еще несколько взмахов весел, и под днищем лодки заскрежетал песок. Мы на берегу. Я окопался у кромки воды. Двое других связистов потянули кабель на плацдарм. К утру связь уже работала. Но с рассветом противник возобновил артобстрел. И связь на моем участке прервалась. Ждать, когда кончится обстрел, было бесполезно, так как новый день только начинался. Я разделся до трусов, взял кабель в руки и нырнул в воду. Старался как можно больше находиться под водой. Лишь на мгновения выныривал, набирал полные легкие воздуха и вновь уходил на дно. К счастью, повреждение оказалось несложным. Устранив его, я вернулся к своему аппарату.

Грянула артиллерия с нашего берега, огненными стрелами понеслись на врага реактивные снаряды катюш. Двое суток продолжались бои. Двое суток я держал связь. Голодный. Воды в реке — сколько угодно, а хлеба — ни крошки. Наконец пришла смена. Мне приказали возвращаться на свой берег.

— Вон там, — показал сержант рукой в сторону моста, — на лодке эвакуируют раненых, и ты вместе с ними отправляйся в свое подразделение.

Я помог погрузить раненых, их было восемь человек, сопровождающий солдат сел за весла, мне указали место на корме. Снаряды в реку падали правее нас чаще, чем слева, поэтому мы взяли чуть левее, не заметив, что посреди реки была отмель. Лодка врезалась в песок и застряла. Как-то странно изогнувшись и даже не вскрикнув, с перебитой осколком шеей солдат-гребец упал прямо на раненых. Я быстро спрыгнул в воду, стащил лодку с отмели и, толкая ее сзади, двинулся к берегу. Глубина в реке начала вновь увеличиваться, а течение становилось все стремительнее. Я никак не мог удержать лодку, ее разворачивало и несло по течению.